

Лис Арден

Волчьи ягоды

Лис Арден

Волчьи ягоды

«Издательские решения»

Арден Л.

Волчьи ягоды / Л. Арден — «Издательские решения»,

Посмотри в глаза чудовищ — и живи достойно. История мира, где нечисть и люди живут бок о бок, как соседи в коммунальной квартире. Главному герою, механику, на голову сваливается удача в виде прекрасной феи. Чем может обернуться их встреча — предсказать невозможно.

© Арден Л.

© Издательские решения

Содержание

Немного везения	6
Урок истории	14
Работа по призванию	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Волчьи ягоды

Лис Арден

© Лис Арден, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Немного везения

Время Роя: пора осколков на исходе, год от первого Воплощения 481

Время Людей: март, 1981 год

О том, что феи (они же кусаки, вострозубки и кровохлебки) обладают нравом на редкость дурным, выделяющим их даже среди выроdkов леса, которые уравновешенностью отродясь не отличались, знают все. Ну, по крайней мере, те, кому такое знать полагается. Однако та особь, о которой у нас пойдет речь, обещала стать выдающимся образцом злонравия, удивительным даже для своего роду-племени. И неведомо почему, она, еще даже и не родившаяся, уже знала об этом, нетерпеливо ворочалась в своем коконе, грызла острые коготки и изнывала от нетерпения.

Вообще-то феям положено вылупляться в мае, никак не раньше; к этому времени их коконы истончаются, воздух становится достаточно теплым для этих неженков, а в лесу появляется много еды. Но эта, многообещающая, совсем одурела от ожидания, истратила все, и без того куцее, терпение, и когда мартовское коварное солнце припекло ее левый бок, вдруг напряглась, задрожала – и принялась раздирать свой кокон изнутри. Она рвала белые плотные слои с остервенением, не жалея ни коготков, ни зубов, повизгивая и шмыгая носом. Такое усердие редко когда остается без вознаграждения: и получаса не прошло, а даже и не начавший перезревать кокон треснул и разошелся по краю, как штаны по шву. Она схватилась за растерзанные края, рванула их в стороны и выбралась наружу. И как водится, сразу об этом пожалела. Потому как солнце в марте обманывает еще почище белоглазов, лжецов-виртуозов по призванию.

Ее встретил ледяной воздух, заставивший слипнуться в ужасе ее легкие; подслеповато моргая еще не полностью раскрывшимися глазами, она кое-как перебралась на ветку, с которой свисали лохмотья разодранного кокона. Ветка была мало того что холодной, так еще и скользкой, покрытой хрусткой наледью. С трудом переводя дыхание, она двинулась вперед – упрямая, злющая тварь. Уже через минуту ее зубы довольно громко застучали, тощее нескладное тело задрожало, крылья, еще мокрые, стали похожи на смерзшийся кусок серого полотна. Это было совсем не то, чего она ожидала, если честно. Порывы ветра трепали дерево, ветки гремя, дергались как припадоchные; у нее и без того в глазах рябило от обилия синего, белого, коричневого, а от такой свистопляски совсем все поплыло. Но если вы думаете, что фею это остановило, то плохо вы знаете выроdkов леса. Если их что и может остановить, так это хорошая порция свинца (или серебра, или меди – короче, любого металла, у них на него жестокая аллергия), да и то ненадолго. Так что эта, недоношенная, все лезла и лезла по веткам, пока не добралась до конца своего дерева. Под ним поздней осенью один человек зарезал другого человека, зарезал неосторожно, не рассчитав, что кровь брызнет на кору дерева. А когда понял, что натворил, было уже поздно – кровь уже впиталась в древесную плоть, отравила древесный сок и принялась расти бурой опухолью на одной из веток. Росла, покрывалась защитными пленками кокона, лелеяла в себе новую жизнь как очередное подтверждение зла человеческого. Так появляются на свет феи. Белоглазу и того веселее: чтобы он родился, надо, чтобы человек на дереве повесился (или его повесили, не важно) и чтобы семя повешенного стекло на корни, а уже потом под землей будет расти, присосавшись к корням, клубень белоглаза. Выродки леса – очень древний клан Роя, традиционалисты и патриоты, они очень гордятся тем, что связаны с людьми не только духовно, но и физически. И никакой час воплощений им не указ.

Фея на секунду зависла на конце ветки, дождалась порыва ветра и рванула навстречу соседнему дереву, отчаянно размахивая руками, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь. Крылья висели за ее спиной бесполезным холодным лоскутом, помощи от них не было никакой.

Ухватившись за тонкую скользкую ветку, она провисела с полминуты и сорвалась; падая, ободрала живот и руки, но все-таки сумела задержаться на развилке сучка, отдышалась и поползла дальше. С ветки на ветку, ничего не соображая от холода, только что родившись – и уже почти в обнимку со смертью. Темной полосой проплыл слева ствол, ветки стали редеть, опять ударило в глаза синим. Фея огляделась: впереди была пустота, по бокам – такие же переплетения коричневого и бурого. Ветка, на которую она взобралась, выдавалась далеко вперед и фея покачивалась на ней, проклиная выманившее ее мартовское солнце. Пока она источала яд и собиралась с силами, чтобы вернуться к своему кокону, завернуться в него и там уже решать, что делать, ветер дунул откуда-то снизу, да так, что ветка дернулась и фея полетела вверх тормашками, как наездник, выброшенный из седла. Серым плевком взлетела она в ослепительно синие весенние небеса, зависла там на пару биений сердца, а потом земля дернула ее вниз, не оставив иного выбора, кроме как падать.

Николас Бром был очень хорошим диагностом, и в ремонтных цехах его приход обычно означал, что проблема есть, но вскоре будет решена. Ему, нелюдимому и немногословному, механизмы открывали свои сердца с гораздо большей готовностью, чем кому бы то ни было из механиков. Да и сам он, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, предпочитал общество железных бессловесных собеседников обществу людей. Так что не было ничего удивительного в том, что управляющий направил именно Николаса исправлять пока еще неизвестные неполадки в оборудовании, которое не так давно было поставлено заводом для водолечебницы в курортном местечке неподалеку от города.

– Ты бывал в тех краях? Нет? – Поинтересовался управляющий. – Ты вообще хоть когда-нибудь из города выезжал? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Хорошее место, эта «Тихая заводь». От города не то чтобы далеко, но и не близко – уехал, так уехал, по пустякам беспокоить не будут. Места красивые, леса нетронутые, река, опять же... А уж как они у себя целебные источники открыли, так и совсем заважничали. Так просто туда не попадешь, надо либо заболеть как следует, либо под нож лечь... остается еще возможность просто отдохнуть за деньги. Немалые, – уточнил управляющий. – Так что публика там своеобразная, либо болящие, либо проветривающиеся.

– Понятно. – Только и ответил Николас. Его все сказанное совсем не заинтересовало, он терпеливо ждал, когда речь пойдет о работе.

– Мне звонил сам главный врач, поэтому я прошу именно тебя поехать и разобраться, почему новые насосы, которые они установили для своей водолечебницы, при включении слышно аж в его кабинете, да и мощность их оставляет желать лучшего.

– Кто устанавливал? – Спросил Николас. – Опять сами?

– А как же. Техника дорогая, почему бы не сэкономить на установке, – поморщился управляющий.

– Только диагноз? Или ремонт тоже?

– Сам решай. – Управляющий махнул рукой. – Вот, твои документы, – и он протянул Николасу папку с бумагами. – Вечером сообщишь, что и как. Поезжай. И вот еще что... там бывают господа из Роя. Сами по себе. Не удивляйся, если что.

Николас кивнул, взял бумаги и пошел в свою личную мастерскую, забрать инструменты (он их подбирал не один год, некоторые и вовсе сделал сам, и никому не разрешал даже прикасаться к ним) и коробку с обедом. Застегивая куртку, он вспомнил, что так и не починил печку в своей машине, а значит, придется ехать в холодной кабине, одетым. «Да и пес с ним, – подумал он, – не зима, доеду».

Машин на дороге за городом было немного, по обе стороны темнел хвойный лес, изредка показывались фермерские постройки. Судя по карте, вечно валявшейся на соседнем переднем сидении, до «Тихой заводи» езды было часа два, не меньше. Через полтора часа Нико-

лас, вопреки своему обыкновению, все-таки решил притормозить, остановиться и прогуляться в лес – то ли в кабине было слишком холодно, то ли опять в заводской столовой ему подсунули зеленый чай.

Лес встретил его запахом мокрых веток, тающего снега и каким-то непонятным беспокойством; жмурясь от жаркого солнца, Николас незаметно для себя зашел дальше, чем хотел; вспомнив, зачем он здесь, зашел за дерево, расстегнул штаны и принялся созерцать ближайший сугроб. Закончив, застегнулся, снял со ствола катышек смолы и пошел к дороге, разминая его в пальцах и поднося к носу.

Оставшийся час он напевал себе под нос старые песенки, вспоминал, как в детстве родители отвозили его на лето из города в деревню со строжайшим наказом не заходить дальше опушки леса... и как в первый же день они с дедом шли за лесной малиной, или за грибами, или просто купаться на озеро. Иногда за ними увязывалась бабушкина креатура, привычная и оттого нестрашная Николасу.

За этими воспоминаниями Николас чуть не пропустил поворот. Через полкилометра от трассы боковую дорогу перекрывал шлагбаум; помахав рукой сидящему в будке охраннику, Николас остановил машину, вышел и протянул подошедшему стражу документы.

– А... механик, – уважительно заметил тот. – Проезжайте, сначала все прямо, а потом направо, там увидите корпус такой, в сторонке от прочих, там как раз начальство сидит.

Солнечным мартовским днем «Тихая заводь» выглядела скоплением праздничных пряничных домиков. Двухэтажные жилые корпуса, аккуратные и ухоженные, обшитые деревом, с окнами, украшенными расписными резными наличниками, обсаженные елочками, водили хороводы среди вековых сосен. Более солидно выглядели лечебные корпуса, каменные, с высокими окнами. Людей было немного, видимо, были заняты процедурами и прочими важными делами. Николас вырулил к указанному зданию, заглушил мотор и, увидев рядом с дверью табличку «Администрация», решительно зашел внутрь. Быстро объяснившись с вахтером, прошел приемную директора, отдал документы секретарю и, поскольку эта нелюбезная тетка не предложила ему ни раздеться, ни присесть, встал у окна как был в куртке.

Так простоял он недолго, секретарша, доложив начальнику о его приезде, видимо, получила соответствующие указания, потому что, положив телефонную трубку, пропела уже более любезно:

– Господин Линдеманн скоро подойдет, присаживайтесь пока... – тут ее голос прервался и вместо слов раздалось какое-то бульканье, перешедшее в полное ужаса нечленораздельное «ы-ы-ы-ы-ы». Николас обернулся, еще успев подумать – «Мышь, что ли, увидела?» И тут его шее с левой стороны обожгло болью, острой, как ненавистный механику красный перец, и сильной, словно к шее приложили шлифовальную машину с самым грубым абразивом. Боль оглушила его, обездвижила, и Николас почувствовал, что вместе с выдыхаемым воздухом из него уходит сама жизнь. Все вокруг закачалось, куда-то поплыло... и он упал, теряя сознание.

Вопреки жуткому предчувствию, после головокружительного полета фея пришла в себя в месте темном, но теплом и мягком, это было что-то вроде большого кармана, выстланного мехом. Рядом дышал кто-то большой и тоже теплый. Поначалу фея просто отогревалась, постепенно расправляя скрюченные конечности. Когда она высохла, продышалась и успокоилась, то тут же и уснула, утомленная неудачным вылетом. А когда проснулась, то хотела только одного –

есть. Голод вцепился в ее внутренности не хуже давешнего холода, она почти не соображала и не контролировала себя. А совсем рядом в человеческих жилах текла, пульсировала, жила горячая, вкусная кровь – единственное, чем питаются феи.

Надо сказать, что спелые феи излучают только им присущий флюид, благодаря которому всякому человеку они видятся в самом привлекательном виде: трогательными, прелестными созданиями размером с ладонь, с нежным личиком, окруженным ореолом золотистых кудрей, озаренным светом огромных изумрудных глаз, с фарфоровыми ручками-ножками. Одеты они в легкие полупрозрачные платица, а в качестве дополнительного украшения за спиной у них трепещет пара стрекозиных крылышек. Как не разрешить такой прелести присесть к тебе на плечо, тем более что крови феи выпивают немного, не то, что упыри-белоглазы. К тому же ни одна фея не даст человеку понять, что она пьет его кровь; бедняге будет казаться, что она поет ему волшебные песенки.

Однако фея, которой повезло оказаться в капюшоне Николаса, из кокона выбралась намного раньше положенного срока, и ни о какой спелости и мечтать не могла. Поэтому когда она высунулась из-за меховой оторочки, то разговаривавшая с механиком секретарша увидела ее такой, какой она и была, а красотой феи не отличались.

Были они тощие, серокожие, голенастые; на тонкой шее тыковкой торчала лысая голова, на лице выделялся огромный рот, в котором прятались ряды острых зубов и длинный лиловый язык, а глаза у фей и впрямь были большими, вот только цветом они были точь-в-точь волчьи ягоды, матовые, черные, провальные. Нескладное тельце укутано в драную серо-зеленую одежку, на пальцах длинные острые когти. Одним словом, ничего общего с дивной сказкой.

Выползшая фея, не раздумывая и не сомневаясь, впилась в шею своего невольного спасителя всеми своими новенькими, острыми как твои бритвы зубами; в рот ей хлынула восхитительная мужская кровь, щедрая и сытная. Она глотала ее, снова кусалась – скорее от восторга, чем по необходимости, глотала, захлебываясь, постанывая от счастья, чувствуя, что выживет и покажет им всем... кому именно, она не знала, но это было неважно. Она даже не заметила, что источник ее питания обмяк и рухнул наземь, слишком крепко впилась она в его шею, сотрясение ей ничуть не помешало. Напившись до предела, когда ее серый живот раздулся и стал просвечивать розовым, она отодвинулась от раны с порванными в лохмотья краями, икнула, небрежно щелкнула пальцами, приказывая крови свернуться. Потом улеглась поудобнее на плече лежащего без чувств мужчины и принялась отдыхать.

В приемной было тихо; давно стихли вопли секретарши, вылетевшей пулей в коридор, только часы на стене мерно отстукивали секундной стрелкой по циферблату. Однако фея, уютно дремавшая на плече механика, почувствовала, что очень скоро здесь окажется кто-то из ее сородичей. Прошло совсем немного времени, и в коридоре раздались шаги: кто-то шагал размеренно и неторопливо, за ним следовали другие, не столь уверенные, иногда даже спотыкающиеся. Дверь отворилась.

Николас открыл глаза, поморгал; перед его глазами был пол, ножки стула, кусок стены. Нестерпимо болела шея, тело заливала ледяная слабость. Он услышал, как стукнула дверь, и в поле его зрения оказался еще один предмет – это были сапоги с окованными железом носками. Один носок ощутимо ткнул его в бок. Однако Николас пока мог только дышать и ничем на эту любезность не ответил.

А фея, задрав голову, рассматривала вошедшую – это оказалась молодая бестия. Она была высока ростом, стройна и длиннонога; короткие волосы истошно-красного цвета торчали беспорядочными прядями, бледное лицо нервно подергивалось, искусанные запекшиеся губы кривились.

– Наелась, маленькая? – Неожиданно ласково спросила бестия.

Фея кивнула и показала в знак приветствия язык, раскатав его во всю

длину, намного ниже подбородка.

– Рановато ты вылезла, еще и пора осколков не вышла. Или это он тебя выкрал?

Фея с презрением покосилась на лежащее под ней тело и даже не стала отвечать на такое предположение.

– Так я и думала. И что нам теперь делать? В лес тебе нельзя, замерзнешь. Хочешь, заберу тебя к себе, подрастешь немного, окрепнешь.

Фея снова покосилась на лежащего, на этот раз вопросительно.

– Его? Маленькая, да какое нам до него дело? Хочешь, убью его, чтобы не мешался.

И вот тут фея вцепилась ручонками в куртку механика, ощерилась и зашипела; всем видом она показывала бестии, что это – ее добыча, и она ее никому не уступит.

– Ого. – В тоне бестии прозвучало уважение. Она присела рядом, чтобы лучше рассмотреть фею. – Хочешь забрать его себе?

Фея кивнула, по-прежнему скаля острые зубы.

Бестия, опираясь на колено, приподняла Николаса за шиворот, усадив спиной к столу. Их лица оказались совсем рядом, и механик поневоле заглянул в налитые кровью глаза... отвел взгляд и зацепился им за грубую штопку, соединяющую края губ.

– Как тебя зовут, счастливчик? – не без иронии спросила бестия.

– Николас Бром, – тихо, но вполне разборчиво ответил механик. – А тебя?

– Джая, – немного удивившись, ответила бестия. – Николас Бром, я обязана дать тебе возможность выбора. Тебя хочет забрать себе фея. Ты будешь ее едой и теплом на всю свою человеческую жизнь. Обычно феи не привязываются к людям, но наша малышка слишком рано покинула кокон, и поэтому немного уязвима.

– И часто она будет меня... есть? – Шея у Николаса болела так, будто ее жгли каленым железом.

– Так – больше никогда, – усмехнулась бестия. – Того, что малышка сегодня слопала, хватит на месяц, а то и больше. Она подрастет, повзрослеет и уже не будет так набрасываться на еду. Укусы тоже станут более деликатными, не скажу, что комариными, но все-таки больше похожими на проколы, чем на мясорубку.

– Я хочу на нее посмотреть, – механик не мог повернуть головы к тому плечу, на котором сидела фея. – Попроси ее показаться.

В ответ фея проворно, цепляясь пальцами за плотную ткань куртки, переползла с плеча на грудь Николаса, уперлась ножонками в пуговицу, выпрямила руки, вытянула шею, похожую на куриную ногу, и вытаращила на механика глаза. Хорошо хоть рот закрыла.

– Волчьи ягоды...

– Что? – не поняла бестия.

– Ее глаза... совсем как волчьи ягоды. Я однажды наелся их в детстве, чуть не умер.

– А ты занятный. – Джая бесцеремонно взяла Николаса за подбородок. – Неужели тебе совсем нестрашно?

– Есть немного, – признался механик. – Но чего уж теперь бояться. Как тебя звать, маленькая? – и он протянул к фее руку.

– Хэли! – Пропищала фея. – Хэли! – И поднырнула под ладонь Николаса, как котенок, требующий, чтобы его погладили.

– Джая! Это что за сироп? – Николас поднял взгляд и то, что он поначалу принял за стоящий у дверей шкаф, оказалось второй бестией. Это был мужчина, ширина плеч которого почти равнялась росту, полное отсутствие у него шеи компенсировалось длиной рук – они только что по полу не скребли, а волосы были того же красного цвета, что и у Джаи.

– Да ладно тебе, Виджая. Такое не каждый день увидишь. И потом, парень может нам пригодиться. Эти сказали, что он механик.

– Тогда другое дело. Хотя я бы с удовольствием развесил его кишки на деревьях.

– А потом эта малышка выгрызла бы тебе глаза. Только законченный идиот встанет между феей и ее носителем. Ну что, Николас Бром. Добро пожаловать в Рой. Это я так, авансом, конечно. В Рой тебе пока еще рано.

– Я думал, что люди попадают туда только после смерти. Или все-таки будете мои кишки развешивать? – Механик погладил фею по лысой голове, почесал за ухом, и она довольно заурчала.

– Не напрашивайся. – Прогудел сверху Виджая.

– А тебе можно и до. – Джая не удержалась и тоже попыталась погладить фею, но та извернулась и цапнула ее за палец. – Вот зараза! Истинно выродец леса! Не трону я твоего драгоценного, сама будешь терзать, сколько захочешь. Да, повезло тебе, Николас Бром, как волку на псарне. Имей в виду, что вместе с укусом Хэли вприснула тебе свою слюну, а слюна незрелой феи – это редкое снадобье, а потому сильное. Как Виджая.

– Ого.

– Теперь ты можешь видеть всех нас – даже тех, кто невидим для людей, или скрывается под человеческой личиной, или просто прячется. И ты можешь с нами говорить, даже с придурками из клана Паразитов, которые и говорить-то как следует не умеют. Мы будем понимать тебя, а ты – нас.

До Николаса сквозь боль и слабость начинало доходить, каким приключением на всю оставшуюся жизнь обернется ему прогулка по мартовскому лесу.

– И что же, она теперь всегда при мне будет?

– Самое большее на расстоянии одного влюбленного взгляда. Если дальше, будет страдать, а этого тебе не простят.

– А как я на работу с ней ходить буду? Она же маленькая совсем, испугается, шумно же на заводе...

– Забудь про завод, – Виджая протянул руку и легко поднял Николаса за шиворот, поставил на ноги, – теперь ты наш, человек. И скажу тебе, что я даже рад, что не раздавил твою голову как только вошел.

Николас покосился вниз – ноги Виджайи напоминали пару наковален.

– А чем я жить буду?

– Как чем? Тем же, что и раньше. – Джая махнула рукой, отсылая прочь директора «Тихой гавани», сунувшего нос в приоткрытую дверь. —Талантливый механик нигде не пропадет. Даже в Рое.

– Я ваши механизмы обслуживать не буду, – Николас вспомнил, что рассказывали о людях, доставшихся Рою, и его вновь замутило. – Лучше убейте.

Джая и Виджая в голос захохотали.

– Да кто ж тебя к ним подпустит?! Может, со временем дослужишься, конечно... – Джая потянула нитку из разошедшейся штопки на губах. – Ты и здесь нам понадобишься. И как механик, и как переводчик. А то мы иногда плохо понимаем людей. Ну так что, Николас Бром? Выбор я тебе предоставила. Или Хэли навсегда и работа на Рой – или Виджая. Твое слово.

Николас пошарил рукой за собой, оперся на стол – ноги его подкашивались, голова кружилась. Принимать решение в боли и слабости тяжело; еще тяжелее, когда оба твоих решения суть зло, и поди определи, какое из них меньшее. Фея, снова оседлавшая плечо, почувствовала неладное, забеспокоилась, завопилась. Николас с трудом повернул голову и посмотрел на нее. Потом на Виджаю. Потом снова на фею. И решил.

– Хэли.

– Навсегда! – Пискляво заявила фея, скаля зубы в довольной улыбке. – Навсегда!

– Свидетельствую. – Джая приложила сложенные ладони ко лбу.

– Свидетельствую. – Виджая повторил этот жест.

Бестии переглянулись и в один голос произнесли:
– Шемхамфораш.

Урок истории

Время Роя: пора лихорадки, год от первого Воплощения 341

Время Людей: апрель, 1981 год

Николас Бром, механик, вот уже неделю лежал в кровати, не имея сил встать и сделать что-нибудь более осмысленное, чем поест и снова лечь. Рядом с его кроватью стоял инкубатор для младенцев, это устройство неведь где в рекордно короткие сроки раздобыл директор санатория, Линдемани. За прозрачными стенками, в тепле, на подогреваемой подушке сладко посапывала фея, которая немедленно после заключения договора с Николасом отправилась досыпать до весны. И о ней, и о механике заботились так, будто они были любимыми внуками директора. Стоило Джае сказать пару слов Линдемани, как все вокруг забегали, засуетились... Николаса поселили в одном из директорских домиков, приставили к нему личного врача, перевязки делали почти неощутимо, отменно кормили и даже пытались делать массаж. Фею устроили рядом, со всеми возможными удобствами.

Джая, заглянув к механику вечером того же дня, осталась довольна увиденным.

– Неплохо устроился. Ты теперь с полмесяца никуда не годный, так что лежи тихо. На завод мы сами сообщим, чтобы тебя не ждали и более на тебя не рассчитывали. Жить будешь здесь, этот дом как будто для тебя строили. Все, довольно на сегодня. Бывай, Николас Бром.

Весь следующий день и еще нескончаемых пять суток механик провалялся в кровати; температура подскочила до предела, все тело ломало – Николас горел заживо под действием феиной отравы. А она спокойненько дрыхла рядышком в инкубаторе, знай с боку на бок переворачивалась. Ее нареченный спутник в моменты, когда жар и боль становились совсем невыносимыми, поглядывал на нее с ненавистью и недоумением. «Ну и сопля, – думал он, – тоже мне, дитя Роя. Привалило счастье, ничего не скажешь. Знал бы, там бы в лесу и...» На этом месте он обрывал себя, поскольку очень не любил пустопорожних размышлений и сослагательного наклонения. Что случилось, то случилось, и если его судьба – сопящая в инкубаторе малютка-кровопийца, то так тому и быть.

Тяжелее всего было по ночам; днем находились какие-никакие занятия: то повязку на шее придут сменить, то капельницу поставят, то попытаются накормить. Хотя какое-то развлечение. А вот ночью, когда «Тихая заводь» засыпала, Николас не знал, куда себя деть. Сон бежал от него; спал он урывками и все больше днем. Когда темнота сгушалась, механик с трудом вставал с постели, отодвигал штору и садился в кресло у окна. Неподалеку стоял еще один дом, побольше, в два этажа, окруженный живой изгородью; его-то Николас и рассматривал в долгие ночные часы. Поначалу дом показался ему нежилым; все двенадцать фасадных окон безучастно темнели, никто не выглядывал из них, не открывал изнутри. Вход был расположен с противоположной стороны, которой Николас не мог видеть, поэтому он не мог с уверенностью сказать, что никто не входит в этот дом и не выходит из него. Может, дом держали для каких-то важных гостей, наезжающих изредка, кто его знает. Николас недолго задумывался об этом, он просто глядел на темный, тихий дом, возможно потому, что других зрелищ ему не предлагали.

Кажется, это случилось на седьмую ночь его болезни. Одно из окон – третье слева во втором этаже – засветилось ровным светом. Стали видны наполовину закрывающие его занавески в сине-зеленую клетку, и чья-то тень прошла пару раз туда и обратно. Николас удивился и даже обрадовался; хоть какое-то разнообразие. Вскоре засветились еще три окна: крайнее слева (вообще без занавесок) и два крайних справа (затянутые рулонными шторами) на пер-

вом этаже. Фея что-то неразборчиво пропищала сквозь сон из инкубатора; Николас подошел к ней, поглядел, исправен ли терморегулятор, и вернулся на свое место.

Окна напротив все так же светились, а одно (то, что не было занавешено) было открыто настежь в сырой холод мартовской ночи, и на подоконнике кто-то сидел, свесив ноги в подтаявший сугроб. Николасу был отчетливо виден его силуэт, словно вырезанный из черной бумаги. Через несколько минут механик понял, что не остался незамеченным – сидящий свесился вниз, зачерпнул снега и запустил снежком в окно Николаса. Стекло звякнуло, задрожало, прилипший комок медленно пополз вниз. Николас помахал рукой, неизвестный ответил тем же. А потом легко спрыгнул вниз и, нimalo не проваливаясь в рыхлый снег, зашагал к домику механика. Теперь Николас видел, что он очень высок ростом, узок в плечах, что у него плавная неспешная походка, довольно длинные волосы; когда он подошел вплотную к окну, стало различимо и его лицо – скорее выразительное, чем красивое, и глаза – совершенно белые, похожие на пару вареных яичных белков, не имеющие даже намека на зрачок.

Незванный гость учтиво наклонил голову и вопросительно приподнял брови; Николас, приложив палец к губам, кивнул в сторону спящей феи. Гость понимающе кивнул и потер руки, изображая холод, потом он так же бесшумно потек в сторону входа в дом механика. Через минуту дверь в комнату отворилась, и Николас встал, приветствуя второго встреченного им выродка леса.

– Иероним, – негромко представился белоглаз и сел на стул напротив механика.

– Николас Бром. Чем обязан?

– А сами как думаете? У нас только и разговоров, что о вашей персоне. Сестричке здорово повезло, что вы оказались точь-в-точь там, где надо. Точное попадание, иначе не скажешь.

Николас промолчал, подумав, что его личное везение в этот момент, судя по всему, издохло.

– Вы неплохо держитесь, – белоглаз улыбнулся, – и, хотя сейчас вы совсем не склонны мне верить, я скажу, что дела ваши не так уж и плохи. Скажите, Николас, что вы знаете о Рое?

Механик пожал плечами.

– Немного. То, что в школе рассказали. Я никогда не интересовался историей, какой толк в науке, которую переписывали сто раз. До правды все равно не докопаешься. То ли дело механика.

– И то верно. А как насчет... личного опыта? Час Воплощений вас не затронул, это очевидно, а в семье как?

– Было. – Николас взял с подоконника стакан с водой, отпил глоток. – У бабушки. Панические атаки, ночные кошмары... вот и удостоилась креатуры.

– Чего же так боялась ваша бабушка?

– Откуда мне знать. Вот креатуры она точно не боялась, шугала ее шваброй, даже прикрикнуть могла.

– Видимо, не очень страшная креатура была.

Николас хмыкнул.

– Если вам по нраву волосатые пауки размером с овчарку, то просто загляденье. Не крошечный, конечно, но напугать могла будь здоров. – Николас поморщился; он неловко качнул головой и от этого рана на шее заныла.

– Болит? – Сочувственно спросил белоглаз. – Разрешите, я посмотрю?

– Это зачем? – Николас знал о детях Роя немного, но даже этого хватило, чтобы не доверять им.

– Медсестра могла неудачно наложить повязку, или рана начала воспаляться...

– Или ты попросту проголодался, – спокойно предположил механик.

– Исключено, – выставил перед собой раскрытые ладони белоглаз. – Во-первых, у вас есть хозяйка. Во-вторых, она мне родня. А в-третьих, я здесь не за тем, чтобы подкрепляться.

– Утешительно слышать. Но шею мою все-таки не стоит трогать. Могу я узнать, зачем вы пришли?

Иероним кивнул.

– Николас, в последнее время вы почти не спите.

– Откуда вы знаете?

– Из личных наблюдений. Я вижу вас в окне каждую ночь, да и не я один.

– Постойте... вы живете в доме напротив, так? Но я никого там не видел...

– Это не означает, что там никого не было. Просто ваше зрение меняется, Николас. Вас предупреждали об этом, ведь так?

Механик согласно качнул головой и снова поморщился.

– Ну вот что, оставим все церемонии. Я должен вам помочь, какой толк от разговора, если вы только и думаете, что о своей шее. Свет мне не нужен, я прекрасно вижу в темноте.

Иероним подошел к механику, аккуратно отклеил повязку.

– Ох. Можно подумать, вы повздорили с бестией из-за обеда.

Легкими холодными пальцами белоглаз ощупал шею человека, слегка надавил на края раны.

– Но все не так плохо. Рана чистая, уже затягивается. Поэтому вам и не по себе; потерпите еще немного.

Как ни странно, от этих манипуляций Николасу полегчало, холод пальцев ослабил неприятную горячую пульсацию в ране, шею перестало сводить на одну сторону.

– Благодарю. – Буркнул он.

– Не на чем. Повязку я пока сниму, пусть рана подышит. – Иероним вернулся на свой стул, сел, вытянув скрещенные ноги. – Теперь вы сможете меня слушать, ибо у меня есть, что вам сказать. Николас, когда и почему случился первый час воплощений?

– Ого. Ну и вопрос. Откуда мне знать. В темные века, кажется, а из-за чего – так это вам виднее.

– Ну разумеется. А все-таки... неужели никогда не задумывались? Счастливый вы человек, Николас Бром. А что вы знаете про темные века?

– Ничего хорошего. Сначала войны, нашествия варваров с заокраинных земель, потом голод, болезни, неурожай. Да еще эти, светлые братья, с их домами благодати, я так понимаю, от них больше вреда было, чем добра.

– Для вас так точно. Николас, ваше общество давно отказалось от веры в пользу знания; вы хотите понимать свой мир и уметь преобразовывать его по своей воле, это для вас намного важнее, чем духовные поиски и радость смирения. Дома благодати вы превратили в лучшем случае в музеи, а дома спасения так и вовсе уничтожили. Что же было такого... весомо враждебного в тихих светлых сестрах, в странствующих носителях живого слова, которые измеряли все дороги этого мира своими израненными, босыми ногами, чтобы принести своей темной и страждущей пастве утешение?

Белоглаз помолчал, а потом сам себе ответил.

– Вот только никакого утешения они не приносили, Николас. Светлый брат, не разъяснивший подопечному, что он полное говно, – вещь такая же небывалая, как красивая фея. Это с одной стороны. А с другой – весьма заманчиво, несмотря на свое ничтожество, оказаться в числе избранных, осененных благодатью (хотя бы в невнятной перспективе), только потому, что твердишь три раза в день никому не понятную абракадабру, определенным образом складываешь при этом пальцы рук, ну и худо-бедно следуешь нескольким запретам. А то, что кажется недостижимым, очень удобно объявить греховным. В эту же кучу свалить все непонятное, редкое, чужое...

Иероним замолчал, досадливо пожал плечами.

– Даже не знаю, с какого конца братья. Боюсь тебя запутать.

– Не хотите обо всем по порядку – расскажите про самое интересное, про первый час воплощения, например, – попросил Николас. – Чтобы знать, с чего все началось.

– В том-то и все дело, что началось все гораздо раньше, а первый час – это закономерный итог ваших упорных трудов. – Иероним помолчал, прикрыв глаза. – Итак, прежде люди верили, что над ними есть Единый – воплощение всех совершенств, начало начал, предел пределов и все такое прочее. Его окружает светлый круг, ваши бессменные надзиратели. А еще есть Отверженный, воплощение всяческой скверны, тоже, разумеется, не без придворных мастеров. В общем, слово за слово, развлечения ради эти два первоначала занимаются перекладыванием людских душ каждый в свою копилку.

– Вообще-то исповедующие культ Единого никогда не признавали Отверженного как равного, – заметил Николас. – Он всегда был лишь его обезьяной.

– А ты знаешь гораздо больше, чем я думал, – улыбнулся в темноте белоглаз. – У Единого были свои слуги и на земле; тех, кто не мог определиться сам, они весьма ловко ставили в стойло, страшая тем, что посмертие будет точь-в-точь как земная жизнь. Конечно, приходилось при этом пускать пыль в глаза – пышная обстановка в домах благодати, горловое пение, дурацкая одежда. И пара табу, глупых и вредных, но обращающих на себя внимание. Например, не любить женщин и не есть животной пищи большую часть года. Отличный способ выделиться, а также защититься от собственного ничтожества.

– Чреватый, я бы сказал. – Хмыкнул механик. – Давно известно, что неумеренное воздержание вызывает истерию. Представляю, какие слуги были у Единого.

– Возможно, он и не подозревал об их существовании, – серьезно сказал Иероним. – Во всяком случае, к его кругу они себя сами причислили, так сказать, в порядке инициативы.

– Зачем они вообще были нужны? Почему люди шли в эти, как их... дома благодати, да еще деньги свои туда несли?

– От страха. И от одиночества. Вот ты, Николас Бром, когда тебе страшно, что делаешь? Правильно, ищешь причину страха, размышляешь... а они, в страшном большинстве своем, размышлять не были приучены. А еще им очень хотелось найти виновных во всех ужасах, преследовавших человека по пятам всю его короткую и жалкую жизнь, причем таких виновных, которых они могли бы покарать, не рискуя при этом собой.

Иероним замолчал и пожаловался в сторону:

– Как же утомительно изрекать прописные истины. Николас, мы еще не один раз вернемся к вашему славному прошлому. Давай, сегодня я расскажу тебе...

– Сказку.

Оба собеседника вздрогнули и обернулись к двери. Она оказалась открытой, а на пороге стоял еще один ночной посетитель:

– Что ты знаешь о нашей истории, корнеплод?..

– Разумеется, ты знаешь гораздо больше, вот только донесешь ли ты свое знание, или оно выльется из тебя вместе с тем, что заменяет тебе мозг, – это еще вопрос.

Пока дети Роя обменивались любезностями, Николас во все глаза смотрел на нового гостя. В слабо освещенном дверном проеме темнел контур человеческой фигуры, какой-то первозданно черный. Казалось бы, что тут страшного, но от силуэта веяло необоримой жутью; не находилось даже слов, чтобы передать это ожидание притягивания, сближения и поглощения, за которым будут только холод и мрак.

– Довольно, ты произвел на него впечатление. Отойди в угол потемнее и давай уже рассказывай, как твой прапрадедушка первым ступил на эту землю. – От голоса белоглаза Николас пришел в себя и смог оторвать взгляд от гостя. – Познакомься, Николас, это Тульпа, крошечник. Прежде чем он начнет свое повествование, напомним тебе, что врагами детей Единого вполне закономерно были объявлены земные слуги Отверженного. Все беды, включая понос и заморозки, произрастали из одного корня, выкорчевыванием которого были заняты все свет-

лые братья, в особенности стражи. Они работали очень усердно, Николас Бром, не зная покоя и усталости...

Время Роя: пора жатвы, год Первого Воплощения

Время людей: сентябрь, 1500 год

...Сколько раз мне приходилось слышать: «Хорошо тебе, брат Уббо, перышком чиркать; ни забот, ни хлопот... сидишь себе в тепле, в покое, только и дела, что пергамент марать». Сами бы попробовали. Кто только придумал, что пером три пальца правят; может, оно и так, только к концу дня все тело болит, будто камень в карьере ломал, голова трещит, глаза пухнут. А то еще пергамент подсунут невылощенный, весь в буграх да в волосьях, или дознаватель попадется многословный, как пойдет заливаться, так и пятеро писцов не успеют, не то, что я один.

День тот был самый обычный. Мы в этом городишке с месяц уже трудились, первый вал доносов отработали, второй накатывал. Первое время я удивлялся козням ненавистника рода человеческого, а потом привык, и все одержимые стали для меня на одно лицо, мерзкое, исковерканное и бессмысленное. Однако эту я бы запомнил, даже если все прошло бы, как обычно. Девчушки пяти лет от роду нам еще не попадались. Служитель ее за шкурку притащил, швырнул в угол, как узелок с тряпьем; дознаватель, брат Гэль, как ее увидел, так прямо подобрался весь, глазами засверкал, да как заорет:

– Почему без надлежащей охраны доставили? Где стража?!

Служитель плечами пожал – мол, какая еще вам стража, для этакой сопливки? Ну, и схлопотал покаяние на месяц; все как положено: хлеб, вода, вериги, да дружеские плевки от братии. А нечего бдительность терять. Брат Гэль тут же распорядился: стражу удвоить против обычного, в пыточной чтобы лучший мастер наличествовал, и чтобы брата Поруса призвали. Ну все, подумал я тогда, плакали мои надежды на вечерний отдых. Не любил я с братом Порусом работать, да простит меня светлый круг. Больной он был человек, хоть и святости великой. Вот брату Гэлю все едино было, кого допрашивать, споро работал, не мешкая и не раздумывая: глядишь, еще к ужину не прозвонили, а у нас уже все готово: двоих к утоплению, четверых к повешению, одну на быстрый костер, троих на медленный. И даже вроде не устали.

А брат Порус... мало того, что мельчайшую букву правил соблюдает, самонадеянную, глазом не видимую, так еще и с одним одержимым весь день провозится до поздней ночи, а иной раз только к утру с табурета писцового и сползешь. Зато протоколы мои по его делам образцовыми становились. Но если ему девица малолетняя попадалась, то он прямо сам не свой делался, будто их сам Отверженный одолевал, а он с ним вступал в единоборство.

Пока распоряжения брата Гэля выполняли, я стол свой в порядок привел, чернил свежих налил, пергамент достал посвежее; краем глаза на одержимую поглядываю – девчонка как девчонка, мордашка чумакая, платишко драное, таких возле крестьянских хижин полным-полно копошится. Только плеснул ей служитель водой в лицо, вроде как умыл, гляжу – а у нее вражья отметина в полщеки. Тут и брат Порус пожаловал, смотрю – у него лицо как есть располосовано, царапину глубокие, длинные, да много их. Пока суть да дело, мне его помощник втихую нашептал, что вчера брат Порус предместье обходил, благословения раздавал. А эта девчонка возле дома сидела, горох лущила. Брат Порус к ней было по-хорошему подошел, а у нее сам видишь, эдакая дрянь на лице; ну, схватил он ее, потряс маленько, даже слова не успел вымолвить, как вылетает из-за дома кошка – здоровенная, черная, глаза огненные, да как вцепится брату Порусу в лицо... Защитница, туда же. Пока ее оторвали, она...

Тут брат Порус обернулся и строго так говорит:

– Брат Уббо, стол вы в порядок привели, это похвально, однако мысли ваши, как клубок перепутанный. Ни разу на моей памяти вы против протокола не погрешили, надеюсь, и сегодня послужите ко славе светлого круга. Вознесем слова хвалы, братья мои, и приступим к делу.

И приступили. Через пару часов у меня уже пальцы ныли его словоблудие записывать. Девчонка, так та и не соображала ничего, только вздрагивала, даже всхлипывать уже перестала. Первый шаг дознания закончили, повели одержимую в пыточную, показывать все, как полагается. Через час притащили обратно. Она все молчит. Однако брат Порус легко не сдавался; шепнул что-то своему помощнику, тот вышел на минуту, а вернулся с клеткой, в которой сидела кошка. Черная. Видимо, та самая.

Я при страже Светлого с десятков лет отслужил, всякого понавиделся; меня ни слабостью, ни стойкостью человеческой не удивить, а уж что с людьми страх вытворяет – так я про это поболее иного дознавателя знаю. Однакоже тогда пришлось и мне удивиться. Когда брат Порус начал факелом в клетку тыкать, девчушка будто проснулась и поняла, что тут затеяли. И очень она за свою кошку испугалась, больше, чем за себя, как мне думается. Закричала что-то неразборчиво... собственно, тут все и произошло.

Ничего особенного, казалось бы: ни молний, ни грома, ни словес из ниоткуда. Вот только прямо посреди камеры возникло одно из тех существ, в которых ни один из светлых братьев не верил, хотя нам не единожды приходилось их живописать пастве в словах поучения. Или на стенах домов благодати малевать, в сценах посмертного воздаяния. Это было размерами с корову, а состояло все сплошь из серых лохмотьев, костей и пасти. Начало оно с того, что одним махом сожрало девчушку. Потом развернулось по кругу и слопало стражников, мимоходом и брата Поруса прихватило вместе с клеткой, напоследок угостилось братом Гэлем, который на заднице к двери полз. На меня оно и не взглянуло, дверь единым махом вышибло, да и загремело костями восвояси. Говорят, его потом где-то поймали, но это уже история не моего везения.

Николас с трудом оторвал взгляд от кромешника. Ему показалось, что он только что видел первый час воплощений глазами смиренного брата Уббо.

– Впечатляет? – поинтересовался Иероним. – Тульпа – мастер внушения. Можешь поверить, все именно так и было. И мне представляется весьма символичным, что последней каплей, соединившей сосуды наших миров, был страх. Вы боялись нас, не зная, есть ли мы на самом деле, пугали нами, сами не веря ни единому своему слову...

– И как оказалось, зря не верили. – Прошелестел Тульпа. – Все оказалось почти правдой. Иероним, я думаю, нашему новому другу надо отдохнуть. Всех историй сразу не расскажешь.

– Прерывать рассказ в самом начале чересчур жестоко даже для кромешника, – очередной посетитель не стал топтаться в дверях, а появился сразу посреди комнаты, с комфортом устроившись на кровати Николаса.

– Сколько вас там еще? – Николас пытался рассмотреть еще одного неожиданного гостя.

– *Впустил одного –пустил всех.* Это первое правило при общении с нами. Запомни его хорошенько, Николас Бром.

Это была девушка, похожая на сплав молока и меда: нежное личико, обрамленное тепло-золотистыми прядками, янтарные глаза, изящная, но весьма соблазнительная фигурка, легкое платье цвета чайной розы... ее хотелось оберегать и защищать еще до знакомства, при малейшей возможности целовать ее следы на песке, а если повезет – умереть ради одной ее улыбки.

– Знакомься, это Илле, белладонна. Наш прекрасный цветок зла, – не без иронии представил ее белоглаз.

– Так значит, – с трудом оторвавшись от созерцания полулежащей девушки, Николас повернулся к кромешнику, – всему причиной эти суды над одержимыми?

– Не совсем, – ответил ласковый голос белладонны. – Посмотри, – и она отвела волосы с ушка и вынула из него круглую жемчужную сережку.

Казалось бы, ничего особенного, но Николас не мог отвести взгляда от ее нежного маленького уха, похожего на розовую морскую раковину, изящный завиток которой походил на лабиринт, в котором можно было блуждать целую блаженную вечность... теплое золото волос согревало его, щекало тонкими отблескам. У Николаса сбилось дыхание, кровь застучала в висках. И тут же он некстати вспомнил, что его руки механика испещрены мелкими шрамами, пятнами от кислот и технических масел, а пальцы загрубевшие и шершавые. Разве можно такими руками прикасаться к живому шелку...

– Илле, – укоризненно прошуршал Тульпа. – Уймись.

– Ой, – у белладонны вспыхнули щеки, – простите... привычка, куда деваться. Так вот, Николас, представь, что это – и она покатила в горсти жемчужину, – ваш мир. А это – и она сомкнула ладони в подобие шарика, – наш. Мы всегда были рядом, не так, чтобы вплотную, но вполне досягаемо. И каждый раз, когда вы причиняли друг другу боль, когда плакали от страха ваши дети, когда обвиняли невинного и унижали слабого, – мы становились ближе. Ну а в упомянутый исторический период держаться на расстоянии стало просто невозможно. – Илле слегка картавила, возможно поэтому Николасу было сложно совсем серьезно относиться к тому, что она говорила, – И ты не прав, Иероним, так строго судя о темных веках, сам знаешь, что равновесие нарушилось уже на их исходе. Заложив в фундамент нищету и невежество, вы с поразительным усердием строили лестницу, каждая ступенька которой украшена достойнейшим девизом...

– Ради мира и процветания нашей страны!

– Во имя чистоты нации!

– Сохраним и укрепим семьи!

– Памяти предков будем достойны!

– Нашим детям – достойное будущее!

Дети Роя перебрасывались трескучими фразами как мячиками; было видно, что каждая из них хорошо знакома им, как знакомы врачу симптомы болезни.

– По этой лестнице вы и добрались до нас. – Илле сидела, подобрав под себя ножки, опираясь руками за спину. Николас неосторожно задержал взгляд на ее шее, и уже не слышал, что она говорила, однако следующий гость, обнаружившийся прямо у него на коленях, заставил механика отвлечься от созерцания прелестей белладонны.

– Фхххлнннн... гллллвмммм... – эти звуки напомнили ему работающий на малой мощности насос.

– Это еще что? – на коленях у механика сидело существо, похожее на тряпичный мяч, изрядно послуживший на своем веку, где-то надорванный, где-то выставивший напоказ свою набивку (что-то вроде подгнивших суровых ниток), давным-давно потерявший и форму, и прыть. Существо, и без того малосимпатичное, страдало одышкой и косноязычием.

– А вот и паразиты пожаловали, – прошелестел Тульпа. – Это Мирель. Детка, пощади чувства нашего гостя, сядь где-нибудь подальше.

– Пусть сидит, мне не мешает. – Николас принял происходящее как должное и решил ничему не удивляться. – Я с самого начала хотел спросить вас насчет Единого и его светлого круга. Он вообще был или как? То, что вы нас ждали и встретили, как родных, я уже понял, а с той стороны что, мы сироты получаемся?

– Мммвлллл... ххххшшшшшшнгллл... – Николас изо всех сил вслушивался в пыхтение Мирели.

– Не напрягайся так. Спуск должен быть легким. – Голос зазвучал в его голове сам, минуя слышимую мешанину звуков. – Нет, вы не сироты, Николас, вы любимые дети. Любимые дети,

покинувшие дом отца и забывшие дорогу обратно. Однако несмотря на то, что вы ушли далеко, сам дом никуда не делся.

– Я смотрю, вечеринка в разгаре. – Николас обернулся – на подоконнике, положив ногу на ногу, сидела Джая. – Понимаю, что всем вам любопытно заценить нашу новую диковинку, но он нам нужен живым. Мирель, уйди от греха подальше.

Существо, неловко переваливаясь, пыхтя и кряхтя, сползло на пол и откатилось к окну.

– Ну надо же, – насмешливо протянула белладонна, – бестия-защитница. Не бойся, никто его не тронет.

– И, тем не менее, Джая совершенно права. – Иероним встал. – Пора и честь знать. Можете не прощаться, Николас, скоро увидимся. Мы, как-никак, соседи. – И он кивнул в сторону дома напротив. – Отдыхайте.

Они покидали комнату так же бесшумно, как и появились в ней; последней исчезла Илле. Когда Николас улегся в кровать, она оказалась теплой, подушка пахла липовым цветом. «Ничего себе соседи, – подумал он, засыпая. – Не соскучишься». И встрепенулся.

– Погодите-ка, – он был уверен, что ему ответят. – А разве возможно такое, чтобы кро-
мешник с паразитом вот так запросто без носителя расхаживали?

– Дошло, наконец, – ответила Джая, задерживая шторы. – «Тихая заводь» не простая
водолечебница, Николас. Здесь можно за определенную плату на время избавиться от своего
спутника из Роя. Плата, сам понимаешь, немаленькая, но и услуга не из повседневных. Чело-

век приходит, и мы... как бы это... отделяем от него его же собственную тень. Человек отдыхает, потому как за ним хотя бы неделю не таскается крошечник, не вытягивает все жилы паразит... мало ли кем одарил его час воплощений. Потом, конечно, опять все снова-здорово, куда деваться. Но, скажу я тебе, очередь желающих перевести дыхание давно перевалила за... очень много. Этот дом, – бестия кивнула на дом напротив, – как раз для отделенных теней и предназначен.

– А если человек попробует сбежать? – заинтересовавшись, Николас привстал на локте.

– От себя не убежишь, – бестия направила к дверям. – А после разлуки любовь еще горячее. Представь себе стосковавшегося паразита. А впрочем, не стоит, приснится еще. Бывай, Николас Бром, – и Джая закрыла за собой дверь.

Работа по призванию

Время Роя: пора лихорадки, год от первого Воплощения 341

Время Людей: апрель, 1981 год

Прошло уже больше полумесяца с того дня, как недозрелая фея искусала механика Николаса Брома, что было и само по себе неприятно, и к тому же изменило всю его жизнь. Рваная рана на шее Николаса почти зажила, сон налачился, вернулся аппетит. Однако он по-прежнему не покидал свою комнату, где в инкубаторе для недоношенных детей дозревала во сне его фея. Дети Роя, жившие по соседству, не навещали его; удовлетворив свое любопытство, они лишь приветствовали его, если им случалось заметить друг друга в окне. Это не значило, что механик скучал; после первого визита детей Роя его чувствительность стала обостряться не по дням, а по часам, и поначалу он изрядно нервничал.

Через его комнату проплывали темные, дымчатые змеи, свитые в пульсирующий клубок, проходили (стены им были не указ) существа, не поддающиеся определению, проходили, не задерживаясь, следуя куда-то по своим делам. Однажды Николас проснулся от неприятного ощущения пристального чужого взгляда; это чувство знакомо почти всем: сидишь себе в полном одиночестве, и вдруг пробегает по спине холодок, встают дыбом все волоски на теле, а то и легкой судорогой передернет – и кажется, будто на тебя смотрят в упор, пристально, недоброжелательно... только вот смотреть вроде некому. Оказывается, есть кому. Николас протер глаза и увидел, что у него в ногах сидит старуха, худая как гвоздь, одетая в черное глухое платье, с лицом сушеной рыбы. Она глядела на механика в упор, выкатив водянистые серые глаза, и будто что-то пережевывая безгубым ртом; костлявые пальцы с заостренными желтыми ногтями беспокойно перебирали кружевной носовой платок. Николас опешил. Пока он раздумывал, здороваться ли с гостьей или звать на помощь, старуха встала и удалилась, попросту растворившись в темном углу. Вечером того же дня механик полез под кровать, достать закатившийся туда карандаш. Оказалось, там был не один карандаш; шаря по пыльному полу, Николас успел разглядеть очень длинный крысиный хвост, торчащий из щели в полу, и не совсем целую кисть руки. Указательный палец, наполовину обглоданный, подпихнул карандаш к Николасу; механик машинально пробормотал слова благодарности, на что кисть сделала жест, означавший «не стоит».

Все эти существа и сущности не делали попыток повредить Николасу Бром или напугать его, они просто были рядом, и они были рядом всегда. Постепенно он привык к ним; было даже что-то забавное в том, чтобы наблюдать, как одна из медсестер, ставящих Николасу капельницы, морщится от боли в шее, да и как тут не морщиться, если на ней как уродское боа висит жирная гусеница, потеющая и сопящая. (Если бы Николас знал, что эта медсестра ласкова только с обитателями привилегированных домиков, а остальным дырявит вены почем зря, оставляя после себя кровоподтеки, которых не постыдился бы и дипломированный палач, то меньше бы жалел ее).

Вечерами Николас Бром наблюдал за домом напротив, это уже вошло у него в привычку. Соседи иногда замечали его, но в гости не напрашивались. И вот однажды Николас понял, что если вот прямо сейчас не выйдет из дома в холодные свежие сумерки, то свихнется, кого-нибудь убьет и пропустит через мясорубку. «Что она сказала тогда? Один влюбленный взгляд? Сколько это: десять метров, пятьдесят, сто? Откуда мне знать? Ну, не проверишь – не узнаешь».

Он накинула поверх больничной пижамы куртку, поверх куртки – плед, сунул ноги в ботинки и, не зашнуровывая их, зашаркал к дверям. Выйдя из дома, постоял на крыльце,

привыкая к свежему воздуху и открытому пространству. И медленно зашагал по плиточной дорожке.

Нельзя было и предположить, что прогулка вокруг небольшого дома может оказаться столь восхитительной; после долгих дней взаперти, наполненных перевязками, уколами, болью и жаром, а потом еще и воплотившимся паноптикумом (который в этот день что-то совсем разошелся), просто идти и вдыхать хвойный аромат было настоящим счастьем.

– Николас! Где тебя носит? – механик удивленно обернулся: из дверей его дома выглядывала Джая. – Быстро вернулся, кому говорю.

– Ладно, иду, иду. – Механик не стал спорить и направился к бестии. – Знаешь ли, я уже просто головой опух взаперти сидеть. Да меня не было минут двадцать всего, неужели эта... проснулась?

– Дрыхнет твое счастье, не бойся. Не в том забота. Слушай, Николас, – бестия села на край кровати, пока механик снимал с себя плед и куртку, – а ты действительно такой хороший механик, как говорят?

– Кто говорит? – Николас подошел к инкубатору – так и есть, фея спит, только что не похрапывает.

– Люди говорят. И не переспрашивай меня больше!..

Николас посмотрел на бестию – она щурила на него налитые кровью глаза, лицо ее мелко и часто подергивалось, штопка у края губ поползла, открывая острые крупные зубы; бестия злилась и беспокоилась, стоило быть осторожнее.

– Те же люди могли сказать, что я заноза в заднице и перестраховщик. Джая, что случилось?

Слюна феи точно сильное снадобье; прежний Николас никогда бы так себя не повел. Он предпочел бы отмолчаться, получить точные указания и спокойно, обязательно в одиночку их выполнить.

– Он еще не готов? – в двери уже протискивался Виджая. – Джая, чего резину тянешь?

Николас готов был поклясться, что если бы не крайняя важность ситуации, бестия точно разорвала бы собрату лицо ответом на этот вопрос; но она только выдохнула со свистом, подтянула штопку и повернулась к человеку.

– Ну вот что. Ты нам нужен, Николас Бром. Так что одевайся, да по-рабочему, без всяких там пледов, и пойдем.

– Понятно. А как же Хэли? – механик впервые назвал фею по имени, а бестия, услышав неприятный вопрос, зарычала. – Джая, не надо... не сейчас. Думаю, если ты поможешь мне устроить ее в нагрудном кармане моего комбинезона, она прекрасно поспит и там. В общем, отвернитесь, дайте человеку переодеться.

Николас не без удовольствия избавился от больничной пижамы, натянул белье, носки, надел плотный хлопковый свитер, влез в любимый, выдавший виды темно-синий комбинезон, зашелкнул пряжки на лямках, зашнуровал высокие ботинки, вынул из шкафа сумку со своими инструментами. Потом он разорвал пополам пушистое белое полотенчко (их в ванной комнате было предостаточно) и положил его на дно большого нагрудного кармана. Пока Николас болел, его вещи вычистили, выстирали, даже выгладили, теперь к привычному запаху машинного масла примешивался еще какой-то дешевый цветочный ароматизатор.

– Джая, помоги, а? – Николас аккуратно поднял крышку инкубатора. Пока бестия держала край кармана, механик вынул фею и переложил ее к себе. Та даже ухом не повела, спала себе и спала сытым младенцем.

– Отлично. Смотри, у тебя все предусмотрено, – и Джая застегнула карман на пуговицу. – Теперь не вывалится. Пошли, Николас Бром, время не ждет. Тульпа?

– Я давно здесь. – Из-под кровати вытянулась тень, уплотнилась, встала во весь рост. – Здравствуй, Николас. И добро пожаловать в Рой.

Николас перекинул сумку с инструментами за спину и, неизвестно почему прикрывая ладонью нагрудный карман, шагнул навстречу кромешнику.

Время Людей: конец марта-начало апреля, 1981 год

«Тебе понравится, Маришка!» – говорили они. «Ты только представь, какое приключение!» – говорили они. И вот я сижу в какой-то драной сорочке на голом дощатом полу, а на щиколотке у меня толстый железный браслет, цепь от которого тянется к ножке кровати.

Все началось с папиного старшего брата, будь он неладен. Что с того, что он принял семейный бизнес от отца полудохлым, а уже через пару лет тот зацвел как яблоня весной. На него, между прочим, оба младших брата работали, тоже не деревенские дурачки. Моего отца так вообще из банка со слезами провожали, когда он отправился в крестовый поход за семейное дело. Нет, я ничего не хочу сказать против дяди Дэнни, он вкалывал будь здоров, вот только радости ему от этого никакой не было. Казалось бы, живи и радуйся, все у тебя есть, так нет – чем больше он зарабатывал, тем больше боялся, что разорится и умрет в нищете. Даже улыбаться перестал, как будто за улыбку платить придется по повышенному тарифу.

В общем, загнал себя дядя Дэнни, а как узнал, во сколько ему лечение язвы будет обходиться, так и вовсе сник. А тут и час воплощений случился. И обзавелся дядя Дэнни отвратительным паразитом; с виду ни дать, ни взять мясной мешок, синюшный, невесть чем бултыхающийся. А потом мою маму накрыло. Папа на ней женился до начала совместного братского бизнеса, а потому по любви. Денег у мамы ни гроша не было. А дядья женились, чтобы семейный капитал приумножить. Мама, конечно, старалась, даже какую-то бухгалтерию для фирмы вела, но все равно чувствовала себя виноватой. Дешевкой. Я, конечно, заметила, что неладно с ней; сами посудите, станет счастливая домохозяйка мыть посуду в ишляпе с пером, истерить по поводу вовремя выброшенных (да они засохли уже!) цветов, и плакать по утрам, едва проснувшись. До папы дошло, что маму болиголов доедает, только когда она снотворного наелась на месяц вперед. Видела я его, симпатичный парень, сволочь. Осмелился к маме в больницу заявиться; я его из палаты выперла... и при этом номер своего телефона дала.

Следующим на очереди младший брат оказался. Поехал очередную лесопилку проверять, как там оборудование, то да се... и попал белоглазу на обед. В закрытом гробу хоронили, и могильщики его играючи несли (дядя при жизни едва в дверь проходил, и майки его моя мама чехлами на танк называла). На поминальном обеде отец впервые за десять лет к бутылке приложился. Основательно так. На пару недель.

Про Город Света отец узнал от кого-то из больничных доброхотов. Рассказали на ухо, торопливым шепотом, что есть в лесах северных, глухих, место сильное, светлое, когда-то там дом спасения был, а теперь вот, снова... Тут, наверно, оглядывались и еще более тихо шептались. Есть один человек, ему слово Светлого было дано в откровении, он все нажитое бросил и в леса ушел. Поначалу землянку себе вырыл и принялся дом благодати отстраивать. Сила в нем чудесная обнаружилась, звери его не трогали, страсти человеческие не одолевали. Имя же ему стало – Валафар. Только в одиночестве он недолго оставался, люди к нему потянулись. Уезжали из шумных, суетливых городов, ставили себе дома рядом с валафаровой землянкой или покупали в соседней деревеньке. И через пару лет таких уже за сотню стало. И все прибавляется.

Представляю, как отец эту чушь слушал, это же как на губку воду лить, чтоб этому рассказчику самому сюда приехать! Пересказал он это нам с мамой и добавил, что живут в Городе Света дружно, одной семьей, кормятся тем, что мать-земля дает, и никакого мяса, никакого алкоголя, у каждой семьи свой дом, работают на огородах сообща, а воздух там!

А красота какая! А благодаря Валафару и силе духа его – не властен над тамошними людьми час воплощения, еще ни разу его там не случилось.

За какой-то месяц мои родители и городское жилье продали, и в деревню эту треклятую перебрались. Даже не стали настаивать, чтобы я школу нормально закончила, хотя мне через год в колледж поступать. Приехали мы в Город Света по весне. Поначалу мне здесь даже понравилось; а что? Никаких тебе уроков, воздух и правда хорош, на огороде я не очень убивалась. Вот только молитвы доставали, каждое утро по два часа поучения слушать, да еще шесть раз в день по колоколу, да еще к дому благодати таскаться. Но я как-то мимо ушей все это пропускала. А вот мать с отцом нет.

Я ведь как думала? Отсизжусь здесь годик, заниматься по книгам буду, оценки у меня отличные были, не поглупею же я разом. А потом уеду в город, поступлю в колледж. Родители как хотят, а мне жить хочется, а не молиться. Я ведь не знала, что они все свои деньги в общую казну отдали. И жить мне и негде, и не на что.

Ситуация прояснилась, когда у меня зуб заболел. Я сначала маме сказала, а она мне в ответ – встань пораньше, иди к роднику Валафара (это почти час по лесу) и прополощи рот. Я говорю – мама, конец марта на дворе, какие родники? А она смотрит на меня глазами прозрачными, благостными и повторяет – иди, доченька, иди, не спорь. Ясное дело, никуда я не пошла. А зуб еще сильнее разболелся. Я к отцу. Он сначала тоже про родник, ну, я ему объяснила, что я о таком лечении думаю. Он посмотрел на меня и говорит – это старые обиды твои выхода ищут, покоя тебе не дают. И ушел. Вскоре вернулся, не один, вместе с одним из старожил. Они меня держали, папа и мама, а этот урод зуб мне вырвал. Клещами. Не прощу никогда.

На следующем молитвенном собрании меня вытолкали в первый ряд, чтобы Валафар (если он выйдет) меня особо благословил. Вот тогда я его впервые и увидела.

– Тульпа. Не подходи ко мне. Больше. Никогда.

Николас Бром стоял, держась рукой за монументальный ремень Виджаи, и выблевывал свои кишки. По крайней мере, ему так казалось. Он даже про фею забыл, так плохо ему было.

– Прости, Николас. – Судя по голосу, крошечник был огорчен. – Я должен был провести тебя в Рой быстро. А быстро всегда отвратительно.

– Будет тебе, человечек, – Виджая поднял механика, слегка встряхнул. – Дыши глубже, полегчает.

Николас кивнул, пару раз выдохнул с силой, провел ладонью по лицу.

– Пошли уже, где там ваша машина. Пока моя Хэли спит.

Бестии переглянулись.

– Что?!

– Да ничего. – Улыбнулась Джая. – Вот ведь тварь – даже не просыпаясь, она тебя призывает. Идем, Николас.

Они спустились по узкой тропе, осыпающейся гравием, вышли на каменистую дорогу, влившуюся меж скал. Николас оглянулся – было тихо, в низком небе толклись пухлые облака, пахло... ничем не пахло. Еще несколько минут, и дорога свернула на обширное плато, с которого открывался весьма впечатляющий вид. Далеко внизу простиралась унылая серо-сизая долина, и высились огромные, черные, каменные столпы, похожие не то на кости земли, не то на оцепеневших великанов, стоящих по стойке «смирно». Столпы были усеяны сотнями дыр, светящихся бледными огнями; впрочем, один сиял совсем не бледно.

– Ты смотри, что делается. – Виджая ткнул пальцем, похожим на батон колбасы, в сторону. Один из столпов был охвачен белым пламенем, вокруг него уже завивались реки лавы, и оттуда ветер доносил такие вопли, что механик поежился. Снизу донесся торопливый шелест шагов и через минуту Николас увидел запыхавшегося, взмыленного Иеронима.

– Где вас носит?! Быстрее не могли?! Ну что уставились, бегом к машине!

Не отвечая, они метнулись вслед белоглазу. Николас даже оглядеться толком не успел, как оказался перед входом.

Пещера не разменивалась на лазы и коридоры, а сразу щедро распахивалась огромной каверной. Посреди нее и размещалась машина, чьи размеры соответствовали вместительности.

– Так. – Николас оглядел судорожно вздрагивающую, взрыкивающую машину. – Вот теперь вы меня напугали.

Вид у пастыря был что надо – легкие белоснежные волосы до плеч, глаза синие, улыбка добрая, одет в белую дмотканую хламиду до полу. Посмотрел он на меня и говорит – выйди, мол, отроковица. Меня так в спину толкнули, что я не вышла – вылетела. Валафар руки мне на плечи положил, в глаза заглянул, потом по щеке нежно-нежно погладил и спрашивает, но уже не так благостно – кто те люди, что так дитяtko мое обидели? И зырк глазами на толпу. Кто, говорит, болью боль лечить посмел в моем доме? Мои лекари на коленях выползли. Тут Валафар их так отчихвостил, что мне даже полегчало, и отправил на самую дальнюю делянку лес валить. После собрания меня кто-то из валафарова ближнего круга попросту за руку взял и отвел в их жилище, с виду та же изба, но внутри намного удобнее нашего домишки, напоил травяным чаем, и уложил спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.